

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯЦИЙ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Т. Ю. Щуклина

Казанский федеральный университет

Поступила в редакцию 28 августа 2017 г.

Аннотация: в статье рассматриваются семантические корреляции, функционирующие в русских пословицах, как лингвокультурный феномен, который отражает своеобразие национальной культуры, особенности национального мышления и интерпретации мира. Выявляется, что семантическая противопоставленность коррелятов обусловлена специфическим представлением славянского человека о двойственности мира в эпоху раннего христианства и основана на религиозно-идеологической оппозиции положительных и отрицательных коннотаций, восходящей к общему и главному противопоставлению «сакральный (положительный) — мирской (отрицательный)».

Ключевые слова: семантическая корреляция, коннотация, пословица, национальное мышление, национальная культура.

Abstract: the article considers semantic correlations functioning in the Russian proverbs as linguistic-cultural phenomenon that reflects the diversity of national culture, features of national thinking and world interpreting. It has become apparent that semantic oppositeness of the correlates is conditioned by the Slavic people's specific representation of the world duality in the era of early Christianity and is based on religious and ideological opposition of positive and negative connotations that go back to the general and the main contraposition of «sacred (positive) and mundane (negative)».

Key words: semantic correlation, connotation, proverb, national thinking, national culture.

В современной лингвистике значительное внимание уделяется рассмотрению языка как одного из национально-специфических феноменов, аккумулирующего и транслирующего из поколения в поколение культурный опыт, традиции, мировидение народа — носителя языка, систему его морально-этических ценностей [1], [2], [3], [4]. В последнее время в лингвистической науке стало особенно актуальным изучение способов воплощения ментально-культурного фонда нации в языке. Исключительное значение в этом плане имеет фразеология. Фразеологические единицы представляют собой тот конкретный национально-языковой материал, который дает возможность лингвисту через постижение смысловых и ценностных ориентаций, зафиксированных в языке, установить особенности миропонимания, культурно-национального самосознания народа, реконструировать культурные архетипы, сохранившие свое значение в нормативно-ценностном пространстве современной культуры [5], [6], [7], [8].

Настоящая статья посвящена рассмотрению семантических корреляций, функционирующих в русских пословицах, как одного из лингвокультурных феноменов, который отражает ментально-культурные особенности русского народа.

Как известно, одним из характерных выражений природной склонности человеческого ума является поляризация предметов, признаков, явлений, понятий. Запечатленная в пословицах поляризация предметов и признаков, явлений и ситуаций осуществляется на основе ценностных представлений социума о том, что такое хорошо и что такое плохо. Многие бинарные оппозиции, представленные в русских пословицах, являются своеобразными «перевитками» мифологического видения мира, присущего славянской языковой культурной общности. Они носили символическое значение и имели двойную природу: за «внешним» их смыслом скрывался другой — «сокровенный». Символическая схематизация действительности была обусловлена спецификой мышления эпохи раннего христианства и вызывалась «попытками древнего человека увидеть во всем временном и тленном символы и знаки вечного, вневременного, духовного, божественного» [9, 370].

Свойственная эпохе древнего синкретизма дуалистичность мышления славянского человека, связанная с его представлениями о существовании двух миров (высшего, божественного, небесного — «вечного» и низшего, земного — «временного»), воплотилась в общем и главном противопоставлении «сакральный (положительный) — мирской (отрицательный)». Это главное противопоставление

реализовалось в серии более частных противопоставлений: правый — левый, белый — черный, светлый — темный, сладкий — горький, легкий — тяжелый, свой — чужой, близкий — далекий, добрый — злой и т. д., соотносящихся с коррелятивными понятиями неба–земли, верха–низа, святости–греховности, добродетели–порока, добра–зла, истины–лжи, христианства–иноверия и, таким образом, основанных на религиозно-идеологической оппозиции положительных и отрицательных коннотаций. Корреляты каждой пары актуализировали не столько денотативные семы, сколько оценочные компоненты и становились своеобразными артиклями сверхположительной и сверхотрицательной оценки. Со *светлым, белым, сладким, своим, легким, правым* ассоциировалось праведное, святое, божественное, истинное начало, и все, что связывалось с этими словами, получало положительную коннотацию. *Темному, черному, злому, горькому, тяжелому, чужому* уподоблялось все несправедливое, безбожное, то, что было «греховным», «нечестивым», «неистинным», а потому имело отрицательную оценку.

Широкое распространение в русских пословицах имеет оппозиция *белый — черный*. Первоначально понятия белого и черного цветов и их зрительно-чувственное восприятие складывались в оппозиции *светлый (белый) — темный (черный)*. В русских пословицах данная пара выражает противопоставленность зрительных ощущений, а также является средством обозначения контраста внешней формы и внутреннего содержания. Внешнее (материальное, земное, низкое) определяется прилагательным *черный*, выражающим значение «грязный, испачканный» и проявляющим отрицательную коннотативную сему; внутреннее (духовное, высокое, неземное) — прилагательным *белый* в значении «чистый, незапятнанный», потому приносящий радость, удовлетворение, а значит, положительный: *Рожа черна, да душа бела; Платье черненько, да совесть беленька; Работа черна, да денежка бела*. Иногда наблюдается обратное явление: подчеркивается противопоставление привлекательной внешней стороны (+) и плохой сущности (-): *Личиком беленок, да душой черенок; Свет бел, да люди черны; Рубашка беленька, да душа черненька и т. д.* За внешней, лживой оболочкой (приятным, красивым — *беленьким* личиком, чистой *беленькой* рубашкой и т. д.) скрывается внутренний, истинный смысл, суть — душа греховная, ничтожная, порочная, лицемерная — *черненькая*.

Предполагают, что понятие белого цвета складывалось в результате сопоставления света и тьмы как двух контрастных стихий видимого мира. Древний человек с большим уважением относился к святому огню/свету как живому божественному существу. Все, что было связано с ним, покрывалось ореолом святости. Противопоставление света

и тьмы, перенесенное на русскую почву из памятников библейско-византийской литературы, было религиозно-символическим: свету уподоблялось христианство, новое учение и все, связанное с ним; тьма соотносилась с язычеством, иноверием, безбожием. Контраст их еще более подчеркивался корреляцией сочетающихся с ними слов: *белый свет* (учение, совершенствующее человека духовно, очищающее, дающее человеку состояние духовной чистоты и святости) и *черная тьма* (нехристианское учение, или безбожие, приводящее к состоянию бездуховности, греховности, порочности). Именно в результате этого и оказалось возможной эстетическая оценка белого цвета: белый цвет как светлый (обладающий эффектом свечения), яркий в силу его постоянной противопоставленности черному (темному), закономерно мог возбуждать радостные, оптимистические настроения, символизировать собой светлое, жизнеутверждающее начало.

Отпечаток древних представлений о двойственной природе мира носит корреляция *сладкий — горький*. Сакрализация семантики этих слов также проявляется в коннотациях, связанных с коррелятивными понятиями блага, святости, добра, истинности (это «хорошо») и, соответственно, греховности, порока, зла (это «плохо») [10, 49].

В соответствии с нормами христианской морали духовное развитие человека неотделимо от приобретения истинного знания, от познания божественной истины. Оно достигается через труд, страдания, самоистязания, но приносит благо, духовно совершенствуя человека, поэтому: *Ешь горькое, доберешься и до сладкого; Горька работа, да хлеб (плод) сладок*. Образ плода (сладкого или горького) символизировал духовную сущность человека: его чистоту, святость, богопослушность, непорочность и, напротив, порочность, греховность. На антитезном противопоставлении корень — плод, горек — сладок (земля — небо, низ — верх) построено раскрытие символического содержания пословицы *Корень ученья горек, а плод его сладок*.

Каждому русскому человеку понятен общий смысл пословицы *Речи, как мед, а дела, как полынь*, основывающийся на противопоставлении «внешнего» (речи) и «внутреннего» (дела), суть которого раскрывается благодаря антитезности членов пары *мед — полынь*, соотносимой с оппозицией адъективов *сладкий* (положительный) — *горький* (отрицательный) (Ср: *Сладкие уста — горькие сердца*). Полынь как горькое растение является символом горя, печали и имеет негативную оценку; мед же издавна символизировал усладу, красоту, блаженство, мудрость, удовлетворение и имел положительную коннотацию.

Таким образом, проведенное исследование показало, что семантические корреляции в русских пословицах — это один из способов представления

славянской культуры. Они являются особым культурно-значимым средством выражения народной идеологии, особенностей национального мышления и интерпретации мира. Корреляции *белый — черный, сладкий — горький*, отражая специфику мировидения народа — носителя языка в эпоху раннего христианства, связанную с дуалистичностью мышления славянского человека, основываются на религиозно-идеологической оппозиции положительных и отрицательных коннотаций, восходящей к общему и главному противопоставлению «сакральный (положительный) — мирской (отрицательный)», имея другое семантическое и стилистическое обличье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. — 624 с.
2. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. — М. : Академия, 2007. — 208 с.
3. Замалетдинов Р. Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии / Р. Р. Замалетдинов. — Казань : Магариф, 2009. — 351 с.
4. Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества / Л. А. Мардиева // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. — 2011. — № 3(15). — С. 202–207.
5. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н. Ф. Алефиренко. — М. : Элпис, 2008. — 272 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2009. — 406 с.
7. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. — М. : Либроком, 2012. — 456 с.
8. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
9. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X — ХУП вв. / Д. С. Лихачев // Избранные работы: в 3-х тт. — Л. : Худ. литература, 1987. — Т. 1. — 281 с.
10. Щуклина Т. Ю. О роли социокультурных факторов в семантическом развитии прилагательных в русском языке / Т. Ю. Щуклина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2012. — Вып. 10. Филология. — Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. — С. 47–51.

*Казанский федеральный университет
Щуклина Т. Ю., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и прикладной лингвистики
E-mail: tatiana21@myrambler.ru*

*Kazan Federal University
Shchuklina T. Yu., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language and Applied Linguistics Department
E-mail: tatiana21@myrambler.ru*